

Глава 31. Чтобы он не заблудился

— Почему почтенный Цю вдруг спросил об этом?

Чжоу Цзыянь поправил рукав, стряхивая сахарную пудру, оставленную каким-то шалуном.

— «Взирая на небо и землю, созерцаю бескрайнюю и туманную вселенную», — Цю Бодэн постукивал пальцами по деревянному настилу у воды в такт ленивым волнам, создавая медленный, глубокий ритм. Во время его нараспев произнесённой фразы с поверхности озера поднялся и разошёлся лёгкий, пронизанный светом туман, словно сама великая и тёмная вселенная. — Чтобы изгнать миазмы на сто ли вокруг города Жу, насколько ты уверен в успехе такого небесного жертвоприношения?

Старейшина Тао мог лишь помочь Чжоу Цзыяню запустить формацию, но молиться и проводить ритуал должен был сам Чжоу Цзыянь.

Потому что он был городским оракулом Жу.

Только он мог от имени всего города обращаться к лазурному небу и вопрошать жёлтую землю, мог собрать воедино мысли всех жителей, чтобы умолять великую вселенную явить милость, рассеять туман и вернуть горам их зелень. В момент жертвоприношения мысли и чаяния всех людей и божественных рыб хлынут в него, словно бурный поток. Его воля должна быть подобна безбрежному океану, способному принять в себя все реки, текущие на восток, иначе небесное жертвоприношение провалится, а он сам превратится в безумца.

— «Должен ли я приносить жертвы предкам, чтобы снискать благоволение верховного владыки? Или не должен, но всё равно снищу его?» — отпустив рукав, Чжоу Цзыянь посмотрел на икру рыб жу, колышущуюся в воде, и с некоторой неловкостью сказал. — «Должен или не должен — решает небо, но приносить жертвы или нет — решаю я... Мысль наивная, учитель часто меня за это ругает. Но, по правде говоря, поначалу я не любил это место, даже ненавидел его».

Цю Бодэн наконец повернул голову и взглянул на него.

— Не похоже, правда? — неловко улыбнулся Чжоу Цзыянь.

Это действительно было так.

Профессиональный нянь, человек, знающий в лицо сотни миллионов рыб жу, казалось, был воплощением гармонии с этим городом. Трудно было представить, что когда-то он его ненавидел.

— Прощу прощения за дерзость, почтенный Цю, но каким вам показался город Жу?

Цю Бодэн задумался.

— Город Жу очень красив.

Чжоу Цзыянь снова улыбнулся, не удивившись такому ответу. Он поднял голову к серому небу, с которого непрерывно сеял мелкий дождь, отражавшийся в его глазах.

— Многие, кто приезжает в город Жу на день-другой, так думают. Они приезжают ненадолго, быстро уезжают и считают его прекрасным.

— Хочешь сказать, что у него есть и уродливая сторона? — спросил Цю Бодэн.

— Нет, — тихо ответил Чжоу Цзыянь. — Я хочу сказать, что большинство не знает, откуда берётся эта красота. Когда-то один человек сказал мне, что самый яркий алый — это цвет жизни.

Цвет жизни?

Цю Бодэн слегка приподнял бровь.

Чжоу Цзыянь хотел было что-то сказать, но тут к нему подбежала восьми- или девятилетняя девочка-жрица.

— Цзыянь, Цзыянь, опять кто-то возвращается в воду.

— Сколько раз говорил, нужно говорить «городской оракул». В крайнем случае — «господин». Совсем никакой субординации, — Чжоу Цзыянь легонько щёлкнул девочку по лбу.

Та надула щёки и звонко возразила:

— Но все зовут тебя Цзыянь, Цзыянь, почему мне нельзя?

— Отлично сказано, все равны, — Цю Бодэн поаплодировал этой бойкой на язык малышке.

Малышка на цыпочках выглянула из-за руки Чжоу Цзыяня и, моргая, уставилась на Цю Бодэна. Её глаза были чёрными и блестящими, чистыми, и смотрела она очень серьёзно. Внимательно его рассмотрев, она радостно захлопала в ладоши.

— Бессмертный братик тоже очень красивый!

— «Красивый» тут не совсем то слово, и вообще, разве можно так говорить о мужчине... — пробормотал Чжоу Цзыянь, чувствуя, что что-то не так.

Цю Бодэн, подперев подбородок, похвалил её:

— Отлично сказано, я действительно неповторимо красив.

— Господин братик — новый оракул? — малышка подняла круглое личико к Чжоу Цзыяню. — Цзыянь, Цзыянь, можно я потом с ним поиграю?

— Нельзя быть невежливой с бессмертным господином, — Чжоу Цзыянь снова щёлкнул её по лбу. — А сейчас иди к круглому алтарю, приготовь всё, я скоро приду.

— Цзыянь, Цзыянь, ты опять злишься!

Чжоу Цзыянь развернул её, и она, подпрыгивая, убежала.

— Ты говорил о цвете жизни. Это и есть «возвращение в воду»? — спросил Цю Бодэн.

— Если почтенный Цю не против, пойдёмте со мной. В город Жу приезжает много людей, но обычно мы не позволяем чужакам видеть эту церемонию. А почему... — Чжоу Цзыянь вздохнул. — Вы сами всё увидите.

Улицы города — реки, переулки — ручьи. Ручьи и реки сливаются в озеро.

Круглый алтарь, шириной около десяти чжанов и высотой около пятнадцати, был окружён двумя рядами стен. С четырёх сторон в стенах были устроены ворота-линьмэнь с четырьмя колоннами и тремя проёмами. Алтарь состоял из трёх ярусов: нижний, самый широкий, был погружён в воду, а верхний, устремлённый ввысь, казалось, касался облаков. В это время у каждого из четырёх ворот стояли по двое жрецов и жриц. На нижнем и среднем ярусах горели тридцать шесть светильников.

— «Душа, рассеянная, куда ты ушла?

В четыре стороны света не возвращаешься, куда ты ушла?

Зачем покинула родную землю? Ушла в неизвестность!»

На высоком помосте Чжоу Цзыянь, кружа вокруг тела мужчины, пел пронзительным, высоким

ГОЛОСОМ.

Цю Бодэн смотрел на него издалека. Ему казалось, что этот молодой человек, днём так умело нянчивший детей, вдруг преобразился, стал торжественным и величественным. Его голос, пронизывая густой туман, вопрошал небо и землю, строго призывая заблудшую душу вернуться.

— «Душа, вернись!» — хором подхватили жрецы и жрицы у ворот.

Чжоу Цзыянь, сжав в обеих руках нож, вонзил его в грудь мертвеца. Обходя помост, он вёл лезвие сверху вниз, вскрывая тело. Кровь мертвеца, которая должна была бы уже потемнеть и свернуться, хлынула фонтаном, алая, как живая.

— «Душа, вернись! Земля полна миазмов и тумана, здесь твой покой.

Душа, вернись! Небеса безграничны, здесь твой покой!

...»

Туман клубился, и скорбная песнь призыва души, полная укора и зова родной земли, неслась сквозь четверо ворот. Вокруг алтаря, который до этого был освещён лишь подводными огнями, постепенно стало появляться алое сияние. Неизвестно когда приплывшие рыбы жу кружились в танце вокруг помоста, вторя пению жрецов и жриц. Словно матери, отцы, братья и друзья, они нежно звали заблудшую душу вернуться домой.

Цю Бодэн прижал пальцы к вискам.

Чжоу Цзыянь проводил ритуал «возвращения в воду» на диалекте города Жу. Цю Бодэн не учил никаких наречий, кроме общепринятого языка, и не понимал ни слова. Но ему казалось, что он уже слышал нечто подобное тысячи раз, и от знакомой мелодии он вдруг понял весь смысл этого чужого языка, весь его отчаянный зов.

О, душа усопшего, не задерживайся во тьме, столько людей ждут тебя с зажжённым светильником.

...Бескрайние миазмы, вечная мёртвая тишина, в мире больше нет такой тьмы.

Кто зажжёт в этой тьме одинокий фонарь?

Кто в этой мёртвой тишине снова и снова взывал?

Чтобы он не заблудился, чтобы душа его обрела покой, и чтобы он мог выплакать свои слёзы.

— «Душа, вернись! И не покидай нас более!»

Чжоу Цзыянь одним движением вырезал сердце покойного, алое, как последняя вспышка жизни. Он положил это сердце, подобное пурпурной пилюле, в центр квадратного помоста и, убрав нож, отступил.

— «Душа, вернись! Вернись в воду!»

Мириады огненных радуг взметнулись ввысь, а затем устремились вниз, словно цветок, состоящий из бесчисленных жизней, что величественно распускается и великолепно закрывается, в одно мгновение поглотив высокий алтарь и усопшего.

Вернись в воду! И не покидай нас более!

Вернись! Вернись!

Цю Бодэн отступил на шаг и прислонился к колонне, наблюдая за этой одновременно жестокой и невероятно красивой сценой. После призыва души и рассечения тела косяки рыб поглотили алтарь, кружа вокруг него и долго не уплывая. Словно приветствуя, словно принимая.

— Вы всё ещё считаете город Жу и его рыб прекрасными? — спросил кто-то у него за спиной.

— Ты потому и ненавидел город Жу в прошлом? — в свою очередь спросил Цю Бодэн.

Чжоу Цзыянь, сошедший с алтаря, был всё ещё в одежде, забрызганной кровью мертвеца, что не сворачивалась и не остывала. Кровь капала с его рукавов и, не долетая до земли, растворялась в воздухе, словно призрачный свет. Он кивнул.

— В детстве я очень боялся мысли, что, когда умру, меня тоже разрежут на куски и скормят рыбам. При жизни ты целый, а после смерти — расчленённый. От одной мысли об этом я начинал реветь. Меня ещё долго дразнили из-за этого.

— А потом?

— А потом умерли мои родители. Они умерли очень, очень давно. Я видел, как их отнесли на высокий помост над водой. Я плакал, пинался, несколько взрослых не могли меня удержать. Божественные рыбы жу поглотили их. У меня не стало ни отца, ни матери. И тогда я возненавидел всех рыб жу. Я думал, что это они, что этот город поглотил моих родителей. Это была настоящая ненависть, такая, что я никого не слушал.

Цю Бодэн молча слушал.

Пока он говорил, к Чжоу Цзыяню подплыло несколько красных рыб жу и нежно потёрлись о его щёку. Чжоу Цзыянь протянул руку и ласково коснулся круглого лба одной из них.

— После смерти родителей они неотступно были рядом со мной, днём и ночью. Вокруг меня всегда кружились рыбы. Иногда эта, иногда та, но тогда я их не различал, думал, что это одни и те же. Но я ведь ненавидел их, — тихо сказал Чжоу Цзыянь.

Он, сквозь пелену дождя, казалось, снова видел того упрямого, непокорного ребёнка.

— Поэтому я нарочно прятался в комнате, по много дней. Я знал, что божественные рыбы жу будут беспокоиться обо мне. Я не ел и не пил, и они оставались со мной. Я хотел, чтобы они не возвращались в дождь... Божественные рыбы жу не могут долго находиться без небесного дождя. Я хотел, чтобы они умерли. Человеческое сердце ужасно, оно способно на такую жестокость без всякой причины. Теперь, вспоминая об этом, я готов вернуться в прошлое и задушить того себя, маленького неблагодарного волчонка.

Одна из рыб ударила его хвостом.

Словно взрослый, который легонько шлёпает тебя по голове, когда ты говоришь глупости.

— Забавно, но чуть не умер не я, а красные рыбы. После смерти родителей я почти ничего не ел. Я думал, что просидел в комнате много дней, а на самом деле — меньше суток. И я упал в обморок. Падая, я вдруг почувствовал, будто меня снова несёт на спине отец... но это был не отец, это были рыбы, много-много рыб жу.

Они собрались вместе и вынесли его из тёмной комнаты.

Их чешуя была холодной, но свет, исходивший от них, был тёплым. Таким знакомым, что хотелось разрыдаться.

Это были широкие плечи отца, нежные руки матери.

Разделённые между тысячами рыб, они окружали его, словно океан.

Он обнял самую большую рыбу, и слёзы беззвучно потекли по его щекам. Несколько маленьких рыбок подплыли и, прижавшись к его лицу, нежно смахнули слёзы.

— А потом я иногда ненавидел людей, приезжавших в город Жу. Те, кто проезжал мимо, — ладно. Но некоторые, узнав о ритуале возвращения в воду, начинали считать его жестоким и кровавым. Они ничего не понимали, видели лишь малую часть и, вообразив себя утончёнными

ценителями, клеймили нас дикарями.

— Что они понимали?

Чжоу Цзыянь коснулся своего виска, и там проступила алая чешуйка жизни.

— Не рыбы жу жаждут плоти и крови, это жители города не желают его покидать.

— У жителей города Жу нет смерти, жизнь в этом мире — лишь короткий путь.

Все они — рыбы, что в конце концов вернутся в свой косяк.

<http://bllate.org/book/16967/1587765>